



Пролог.....	5
Глава 1.....	9
Глава 2.....	23
Глава 3.....	33
Глава 4.....	43
Глава 5.....	55
Глава 6.....	65
Глава 7.....	91
Глава 8.....	105
Глава 9.....	113
Глава 10.....	123
Глава 11.....	137
Глава 12.....	149
Глава 13.....	153
Глава 14.....	163
Глава 15.....	171
Глава 16.....	175
Глава 17.....	179
Глава 18.....	207

Глава 19.....	213
Глава 20.....	225
Глава 21.....	237
Глава 22.....	245
Глава 23.....	259
Глава 24.....	267
Глава 25.....	275
Послесловие автора	283

A decorative oval frame composed of a solid black line. Inside the oval, the word "ПРОЛОГ" is written in a bold, black, serif font. The frame is embellished with several circles of varying sizes, resembling bubbles, scattered around its perimeter.

ПРОЛОГ

По улице мы всегда шли не ближе двух метров друг от друга. Таков закон сообщества. Даже звук шагов тонул в покрытии, гасившем удары подошв. Улицы были безмолвны. Совершенная тишина. Здесь не заговоришь с прохожим. Здесь никто ни с кем не сближается.

Совершенный город делал меня одинокой. И в конце концов я решила покинуть его.

Я все ближе подходила к высокой стене — границе. Место выглядело чужим, но я оказалась тут не впервые. Я знала, что когда-то опекун привел меня в город из-за стены, но я была слишком маленькой, чтобы запомнить детали. И все же в этой стене осталась часть моей памяти... Такое странное чувство! Я обернулась и открыла глаза. В городе это запрещено, но я хотела в последний раз взглянуть на Центр.

Я увидела ровные ряды куполообразных строений, похожих на плоды, свисающие с ветки. В каждом куполе кто-то жил. Конечно, в одиноче-

стве. Люди, которые никогда не встречались друг с другом. Абсолютно все — одинокие, но здесь было самое безопасное место на Земле. Мне вдруг показалось, что я совершаю большую ошибку, но я продолжала идти к границе города.

— Ноль седьмая!

Я обернулась на голос. Среди выстроившейся у выхода охраны я увидела знакомое лицо. 126-й махал мне рукой.

— Сожалеешь? — спросил он.

Я не смогла ответить. Мы познакомились совсем недавно — он пришел из другого мира, непохожего на мой. Уйти из города вместе с ним я решила всего неделю назад. Правильно ли? Я сглотнула.

— Вспомни, почему ты захотела уйти. Может, поможет.

126-й говорил твердо. Внимательно глядя на него, я последовала совету. Он был причиной моего решения, и теперь я укрепилась в своем намерении.

— Я больше не хочу быть одинокой. Даже если потом пожалею.

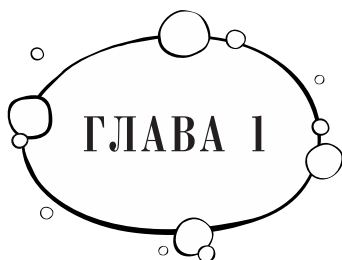
Он отвел взгляд и подал охране знак. Один из них опустил рычаг, установленный рядом с воротами. Тяжелый металл, будто пробуждаясь после долгого сна, со скрежетом разошелся в стороны. За дверью была темнота.

— Идем?

Пузырь

Я глубоко вдохнула и шагнула в темный коридор. Чужие пальцы едва заметно коснулись тыльной стороны моей ладони. Я сосредоточилась на этом тепле и, набравшись храбрости, пошла вперед. Темнота оказалась туннелем. Постепенно стало светлеть и наконец открылось новое пространство. С губ сорвался дрожащий выдох.

Вот я и по ту сторону.



ГЛАВА I

— Я еще вернусь, — произнесла я, оглядывая пустой дом.

Дом, окруженный круглым пузырем, будто попрощался со мной, помахивая невидимой рукой. Стоит только ступить за порог, как дорога подхватит меня и притянет за магнитные подошвы. Я уже знала, куда должна идти.

[Проверить входящие.]

[Входящих нет.]

По привычке перед выходом я проверила почту на специальном устройстве — дистансере. Разумеется, там снова пусто. С тех пор как я стала жить самостоятельно, опекун ни разу не дал о себе знать. Мне странно было даже называть дистансер средством связи — настолько бессмысленным он оказался в этой роли. Но наверное, странная тут только я, раз все еще цепляюсь за надежду после года молчания. Впрочем, винить опекуна глупо. Здесь, в Центре, так заведено.

Здесь верят, что человек счастлив лишь тогда, когда существует как самодостаточная личность. Чем меньше ты раскрываешься другим, тем меньше получаешь осуждения. Чем меньше знаешь о ближнем, тем меньше поводов для конфликта. Иными словами, чем дальше друг от друга — тем безопаснее. На этой вере наше общество выживало и процветало сотни лет.

Я давно живу в Центре. И все равно мне порой хочется, чтобы однажды опекун вошел в мой пузырь и обнял меня.

[Отправляемся?]

Дистансер прислал уведомление: настало время идти на работу. Я сунула устройство в карман и закрыла глаза. С первого же шага электромагнитная дорога потянула меня вперед, направляя.

На улицах все сохраняют двухметровую дистанцию. Стоит кому-то оказаться слишком близко, и дистансер издаст предупреждающий сигнал. За пределами личного пространства все принадлежит всем и должно быть одинаковым для каждого.

Работать на благо общества — значит постоянно трудиться. Когда ты один, ты можешь быть личностью, но среди других нужно оставаться частью сообщества. В нашем мире простые правила: не прикасаться без разрешения, не выплескивать эмоции, уважать независимость каждого. Создатели

Пузырь

правил не верили в силу человеческого самоконтроля, и потому мы обязаны доказывать свою «пригодность» снова и снова.

Такова моя жизнь, день за днем. Мое рабочее место — двухэтажное здание Оценочного центра.

Дорога сама вывела меня к нему. Подойдя к пузырю, я почувствовала, как датчик у входа уловил вибрацию моего служебного жетона. Пузырь дрогнул, подернулся рябью и раздвинулся, как занавес. Я прошла мимо сотрудника за стойкой регистрации: он сидел неподвижно и молчал, как того требуют правила.

Моя задача — проверить, соблюдают ли жители Центра предписанные нормы.

В своем кабинете я села за стол, и тут же заговорил окружающий меня пузырь:

[Начать рабочий день?]

Пузырь — не просто перегородка, разделяющая пространство. Он снабжен искусственным интеллектом, может выводить изображения, напоминания, по команде становится абсолютно прозрачным или непрозрачным.

— Начать, — ответила я.

Стены кабинета тихо задрожали и потемнели, снижая прозрачность. Теперь никто не мог заглянуть внутрь. Я была совершенно одна. Безопасно. И пузырь наконец позволил мне открыть глаза по-настоящему.

«Закрой глаза».

Первое правило, которому учат детей, когда они вырастают достаточно, чтобы понимать, что такое правила: общаясь с другими, закрывай глаза. Потому что взгляд позволяет нам отличить друга от врага. А если различий нет, то и повода для ссоры не будет. Настолько логично, что даже страшно.

Я моргнула. Потихоньку зрение прояснилось, и все вокруг снова стало четким. Я положила ладони на стол — и на поверхности проявился экран. Система уже вывела на него досье жителей, которых мне сегодня предстояло оценить.

Женщина, выращивающая овощи в теплице. Работник электростанции. Сотрудница текстильной фабрики. Жители Центра честно трудились и вели скромную жизнь.

Мне, честно говоря, досталась довольно легкая работа.

[Закройте глаза.] — приказал пузырь.

Я послушалась. В тот же миг вошел первый житель и сел напротив.

«Я ни за что не открою глаза».

Я сжала кулаки так сильно, что ногти впились в ладони. Стоит начать разговор, и тут же появится страх и желание увидеть собеседника. Поэтому я снова и снова обещала себе: как бы ни было страшно, глаза останутся закрытыми. Лишь тогда я смогу заговорить.

Пузырь

— Назовите ваш специальный номер.

— Смотритель центральной электростанции, номер двести сорок девять.

— Сколько раз в неделю вы участвуете в собраниях с целью социального взаимодействия?

— Я в них не участвую.

Я легко стукнула указательным пальцем по столу — один балл. Ответь он «один» или более — получил бы ноль. Социальных встреч без абсолютной необходимости следует избегать.

— Сколько жителей обмениваются с вами словами во время работы?

— Один.

Один или меньше — это один балл. Двое и больше — ноль. Я снова щёлкнула пальцем по поверхности стола.

— Сколько человек в вашей семье?

— Я живу отдельно.

Я заметила, что его ответы становятся все быстрее. Сердце дрогнуло. Он просто хочет поскорее закончить? Или я сказала что-то не то, вызвала раздражение? Разговор уже тянется слишком долго.

«Если бы только можно было видеть его лицо...»

Веки дрогнули. Мучительно хотелось понять: он действительно злится или просто волнуется? Но глаза, конечно, остались закрытыми. Если это

злость, значит ли она, что я ему неприятна? Неве­ро­ятно хотелось взглянуть, кто сидит напротив. Любопытство и страх переплелись так туго, что перехватило дыхание. Это чувство я носила в себе всегда — моя хроническая тревога.

Я поспешно выставила ему баллы за «независимость» и «тип семьи» — по одному. Хотелось поскорее со всем этим покончить.

— Поддерживаете ли вы связь с семьей, с которой жили до обретения самостоятельности?

— Да.

— Сколько раз в год? Учитывайте и письма, и визиты.

Житель на секунду замялся, протянул «э-э...», а затем ответил:

— Дважды.

Общается с семьей дважды в год... Что ж, ему повезло. Хотя бы одно письмо — и я бы прыгала от счастья. Но я все еще не могла выбросить из головы тот день, когда опекун сказал: «Поздравляю с обретением самостоятельности» — и сразу же развернулся, чтобы уйти. Вот так и оборвалась связь с человеком, который воспитывал меня семнадцать лет. Прощание оказалось до обидного коротким, и у меня ком встал в горле. Я тогда украдкой, щурясь, следила за его удаляющейся спиной и лишь потом решила сама выйти за дверь в свой собственный, отдельный дом.

Пузырь

Опекун не грустил о моем уходе. По той же причине, по которой, пока мы жили вместе, он никогда не отвечал на мое ежедневное «спокойной ночи». Странная здесь я, а не он. В Центре все должно быть именно так.

Как бы там ни было, четыре контакта в год или меньше дают один балл. Этот житель набрал все пять из пяти возможных — образцовый гражданин Центра, не то что я.

— В какой сектор вы хотите быть распределены?

— Я хотел бы остаться в своем нынешнем пузыре.

Я провела ладонью по столу. В одной точке откликнулась теплая вибрация. Туда я положила обе руки и внесла пожелание жителя: «Проживание в Центре. Оставить свой пузырь». На этом моя работа с ним была окончена.

— Оценка завершена. Пожалуйста, немедленно возвращайтесь к своим обязанностям.

Житель резко поднялся. Слышно было, как он почти бегом двинулся от стола. Я быстро отодвинула стул и коснулась ладонью ближайшей стены.

— Разрешить выход.

Пузырь дрогнул и раскрыл проход ровно настолько, чтобы мужчина, пригибаясь, успел проскользнуть наружу. Я шумно выдохнула и наконец разлепила веки. Тут же раздалось:

[Закройте глаза.]

— Но ведь оценка еще не началась, — пробор-мотала я сквозь зубы и упрямо раскрыла глаза еще шире. В помещении никого не было, так что же я должна скрывать?

Не сближаешься — не ссоришься.

Такова главная мудрость.

Надо признать, в нашу эпоху не стало войн, да и бытовые ссоры почти исчезли. Работай исправно, и тебе гарантированы достаток и покой.

В школе нас учили, что закрытые глаза — залог мира. Но для меня темнота никогда не означала покой. Только тревогу. Я чувствовала, что не имею права знать даже цвет глаз своего собственного опекуна. Но все остальные так легко следуют правилам! Почему же мне одной так трудно? Может, я сломана? Порой одиночество накатывало с такой силой, что по спине бежал холод, а затылок немел.

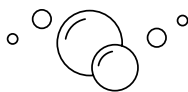
Я снова закрыла глаза. В кабинет вошел второй житель.

— Здравствуйте, — вежливо сказал он.

Я не ответила. Не потому, что приветствия запрещены. Просто слова застряли в горле от изумления и неожиданности.

Я узнала этот голос.

Пузырь



«Почему он здесь?»

Он был одним из тех, кто регулярно приходил в Оценочный центр. За все время моей службы ее однообразный распорядок не менялся ни на йоту. Он стал первой трещиной в рутине. И первым человеком, на которого я осмелилась взглянуть.

Это случилось в один из дней, когда я, закончив утренние проверки, откинулась на спинку дивана.

[Желаете ли, чтобы во время отдыха был обеспечен комфорт?] — спросил пузырь.

Резкий взмах руки отключил его голос. Невозможно терпеть это навязчивое бормотание. Я подкралась вплотную к двери оценочной и, постукивая носком по полу, начала отсчет: один, два, три, четыре, пять.

Как и всегда, стоило главному входу разойтись мягкой рябью, в проеме появлялся он — 126-й. Одетый не в обязательную для всех униформу Центра цвета индиго, всегда во что-то другое. Убирал с лица выющиеся волосы, закрывал огромные круглые глаза — спокойно, размеренно. Его шаг был широк, и уже через десять шагов он оказывался у стойки, где неизменно произносил одну и ту же фразу:

— Здравствуйте. Я пришел за записями.

Дежурные кивали, будто заранее зная, кто окажется перед ними, и провожали внутрь, в административные помещения за пределами оценочных комнат. Именно там обрабатывались отчеты, которые я подавала после проверок.

Я отогнала воспоминания и сосредоточилась на том, кто стоял сейчас передо мной.

— Мне садиться сюда? — спросил он.

Голос звучал взрослым, но, если прислушаться, чувствовалась легкая неокрепшая нота. Конечно, это был он. Я слышала от него только одну фразу: «Здравствуйте. Я пришел за записями». Но сомнений быть не могло.

— Да, садитесь.

Послышался легкий шелест ткани о поверхность стула. Другой материал. Такой звук не мог издать стандартный костюм центра.

— Здравствуйте, — снова сказал он.

Я растерялась и замолчала. Со мной так никогда еще не здоровались. В фильмах — запрещенных, подпольных фильмах — люди обменивались приветствиями. Но я не думала, что это когда-нибудь произойдет в моей жизни.

Я собралась с духом. Пора начинать.

— Назовите ваш специальный номер.

— А можно я расскажу о работе позже? Я хотел бы поговорить.